

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА

Проф. Д-р. ДЬЕРДЬ ХАРАСТИ

В прошлом вопрос о недействительности международного договора мало занимал теоретиков и практиков международного права. Если мы займемся объяснением этого, на первый взгляд кажущегося странным факта, то после краткого исследования вынуждены будем признать, что интерес специалистов по международному праву в силу необходимости был направлен не на этот вопрос, прежде всего в результате тогдашних особенностей международных отношений и международного права.

Правила, связанные с недействительностью договора, более разработано сложились, естественно, в рамках гражданского права, и уже римское право, особенно в своей постклассической фазе, стремилось к утверждению волевого принципа через установление этих правил. При этом римское право санкцией недействительности хотело ударить прежде всего по договорам, противоречащим закону или доброй морали, равно как и по договорам, направленным на совершение невозможных действий. В последующие эпохи эти тезисы, претерпев изменения, вызванные общественно-экономическим развитием, продолжали жить, живут они и сегодня.

Международное право, когда хотело вовлечь в круг регулирования условия действительности международного договора, своего самого важного источника, и причины недействительности международного договора, то могло обратиться лишь к правилам, сложившимся в гражданском праве, но из-за специфически отсталого состояния международного права, вряд ли могло получить достаточного стимула от правил гражданского права. Разве могло международное право перенять из области гражданского права санкцию, связанную с отдельным вопиющим случаем недостатка воли, с применением принуждения в то время, когда международное право признало войну как законное средство для разрешения споров? Главная цель войны, однако, обычно заключалась в том, чтобы победившая сторона навязала свою волю побежденной стороне и стороны зафиксировали принятие этой воли в международном договоре. Именно поэтому не

могла идти речь о том, чтобы международное право связало санкцию недействительности с международными договорами, противоречащими закону или морали в то время, как все международное право было собрано из спорадических норм, о международной правовой системе не могло и быть речи, еще меньше можно было говорить о моральных нормах, имеющих место в международных отношениях. Договор, направленный на выполнение невозможных услуг, в принципе был неизвестной категорией в международных отношениях, таким образом нормы обычного права, связанные с недействительностью такого договора, не могли возникнуть. В этих условиях не оставалось ничего другого, как определить последствия ошибок и обмана в связи с международными договорами, что само по себе не требовало больших усилий. В то же время следует добавить, что эти два случая недостатка воли в области международных отношений, исходя из природы вещей, имеют более подчиненное значение, чем в случае договоров по гражданскому праву, ибо в международной жизни обычно принимает участие большой государственный аппарат в процессе заключения договора, обман и ошибка в котором встречаются в исключительных случаях. Кроме того, нужна длинная процедура — во всяком случае при заключении важнейших договоров — для того, чтобы ввести в действие подписанный договор, а до этого предоставляются многочисленные возможности для того, чтобы заметить ошибку или обман и искоренить их последствия.

Все это служит достаточным основанием для того, чтобы не сосредоточивать внимание науки международного права на вопросе недействительности международного договора, сама же наука не была стимулирована практикой на исследования комплекса вопросов. В то же время из-за упомянутых причин и в международной судебной практике в редких случаях могла возникнуть проблема недействительности международного договора, таким образом и международные судебные органы в своей деятельности не могли развивать в международном праве нормы, связанные с этим вопросом.

Таким образом, лишь с относительно недавнего времени мы можем говорить о серьезном *практическом* значении недействительности международного договора и главным образом с того времени, как запрет насилия стал одним из основных принципов международного права. К тому же значение круга проблем, связанных с недействительностью, существенно увеличил тот факт, что международное право стало более развитой правовой системой, которой помимо запрещения насилия необходимо было располагать и другими нормами, которые нельзя исключить с помощью соглашения между субъектами права, ибо они располагают силой внутреннего закона, то есть по отношению к международным договорам, противоречащим им, международное право должно применить санкцию *недействительности*.

Но если это так, тогда сама по себе возникает необходимость перенять некоторые и другие гражданско-правовые дистинкции. Если международное право, располагает нормами, имеющими законный

характер, или, употребляя более подходящее выражение, такими нормами, которые имеют общественное значение, нарушение которых затрагивает международную общественность в целом, то само собой разумеется, что нарушение этих норм путем заключения международного договора должно быть наказуемо международным правом санкцией *ничтожности*. В то же время необходимо и в дальнейшем определять те правовые последствия в международном праве, которые связаны исключительно с теми международными договорами, нарушающими права то ли одной, то ли другой договаривающихся сторон. В последнем случае интересы международной общественности не затрагиваются, в таком случае, применение санкции должно зависеть от решения стороны, оказавшейся в невыгодном положении, но во всяком случае необходимо обеспечить возможность освобождения упомянутой стороны от договора или по крайней мере от тех положений в договоре, которые представляют для данной стороны особую тяжесть. То есть необходимо признать в международном праве *оспоримость* договора.

Различение двух видов недействительности, ничтожности договора и его оспоримости, существовали уже и в старом международном праве, но из них лишь оспоримость имела какое-то практическое значение. Ничтожность же применялась лишь в случае свершения насилия над лицом, имеющим право на заключение договора, редко встречаемом в практике.¹

И хотя не вызывает сомнения обоснованность различия в международном праве между ничтожностью и оспоримостью договора, все-таки среди специалистов в области международного права есть немало таких, которые подвергают сомнению практическую необходимость этой дифференции, более того, считают, что международному праву и не нужно подобное различие, имея в виду, что нет обязательного международного судебного производства. Например, по мнению Де Луна, главное различие между ничтожностью и оспоримостью договора заключается в том, что ничтожность договора происходит по долгу службы суда, в то время как недействительность обжалуемого договора истекает из инициативы потерпевшей стороны, однако, имея в виду отсутствие обязательного международного судопроизводства, это различие не может быть применено.² Эта аргументация отнюдь не убедительна. Для того, чтобы определить недействительность международного договора, вмешательство международного судебного органа не обязательно, в большинстве случаев правовые последствия недействительности проявляются без содействия судебного форума. Однако в то же время в международном праве нашел признание тот принцип, согласно которому каждый могут ссылаться на недействительность ничтожного договора без оспаривания, в то время как в случае договора, который может быть обжалован, он будет признан действительным, если не последует оспаривание со стороны, имеющей на это право. При этом существуют и другие различия между ничтожностью и оспоримостью, на что мы укажем несколько ниже.

Вне сомнения, следует признать, что подключение судебного форума упростило бы выведение последствий, связанных с видами недействительности договора, что однако не означает, что без обязательного судопроизводства применение какой-либо дистинкции не имело бы смысла. Точно также могло бы быть подвергнуто сомнению существование целого ряда институтов международного права, ибо действия последних было бы также затруднено отсутствием обязательного судопроизводства. Стоит лишь подумать об одном из основных институтов международного права, о международной ответственности, однако все же нельзя утверждать, что отсутствие обязательного судопроизводства лишает этот институт права на существование.

Различие между ничтожностью и оспоримостью международного договора имеет свое значение в современной системе международного права, когда суверенные государства не желают введением обязательного судопроизводства ограничить в большой мере самое суверенность. Правда, между ссылкой на ничтожность договора и оспорением действительности договора нет разницы в том смысле, что для приостановления действия последнего необходимо решение независимого от сторон форума, но в то время как первый акт имеет декларативную силу, другой располагает конститутивной силой. В качестве следующего различия следует упомянуть, что право на оспoreние — как это было сказано ранее — имеет потерпевшая сторона, в то время как ссылку на ничтожность договора, противоречащего международному праву, необходимо сделать доступной для любого члена общества государств. Ничтожность договора влечет за собой и то заключение, согласно которому договор, противоречащий международному правопорядку, с течением времени не становится действительным. Оспоримость договора прекращается после разумного краткого времени, считая с момента принятия к сведению потерпевшей стороной фактов, порождающих оспоримость, и тем более прекращается самим осуществлением договора. Это различие наблюдается и в венском соглашении, когда в статье 45 высказывается ограничение по поводу недействительности договора в случаях оспоримости, перечисленных в статьях 51—53, относящихся к ничтожности договора, эти ограничения не упоминаются.³ Разница между ничтожностью и оспоримостью международного договора обоснована, наконец, и тем, что если оспoreние влияет в порядке *ex tunc*, до момента оспoreния данный международный договор все-таки порождает какое-то правовое последствие.

Если, исходя из вышеупомянутых причин, мы считаем необходимым различие между ничтожностью и оспоримостью договора в международном праве, то необходимо признать, что практическое значение этого различия вне сомнения меньше, чем во внутригосударственном праве. И меньше потому, что в подавляющем большинстве случаев как ссылка на ничтожность, так и оспoreние договора исходят от заинтересованных договаривающихся сторон и лишь в исключительных случаях бывает, что какое-либо государство ссылается на ничтожность договора или какой-нибудь международный форум по

долгу службы констатирует ничтожность. Обжалование потерпевшей договаривающейся стороны может точно так же вызвать *ipso facto* недействительность договора, то есть без вмешательства другого органа, равно как ссылка на ничтожность может лишить видимой действительности данный договор.

Наряду с недействительным договором в системе венского соглашения мы можем выделить и договор „non-existens“. Согласно статье 8 соглашения, договорный акт, совершенный лицами, не имеющими полномочий на представительство государства, считается лишенным какого-либо правового эффекта. То есть договор, заключенный лицом от имени государства, но не имеющим на это полномочий ни с точки зрения норм международного права, ни от компетентных государственных органов, не рассматривается как международный договор, а именно от того, что в нем отсутствует один очень важный элемент. Отдельные правоведы-международники отождествляют этот акт с ничтожным договором или же считают, что в подобном случае нет видимости договора и такой род недействительности нет необходимости выделять как особый вид.⁴

Вне сомнения, что такой псевдодоговор ближе стоит к ничтожному договору, чему лучшим доказательством служит то, что в проекте 1963 года Комиссии Международного права этот случай рассматривается еще как причина для ничтожности.⁵ По сравнению же с недействительным договором основное различие проявляется в том, что по желанию государства, которое кто-то представлял, не имея на это полномочий, такой псевдодоговор может стать действительным, если недостающий элемент будет восполнен государством. Более того, такое восполнение может произойти и молчаливо, как верно замечено в комментарии к проекту соглашения от 1966 года.⁶ Однако, это одновременно отвергает тот взгляд, согласно которому в случае договора „non-existens“ речь идет о совершенно безразличном с точки зрения международного права акте, ибо одностороннее восполнение недостающего элемента подымает договор „non-existens“ в ранг действительного международного договора, обладающего обратной силой. Из-за этого кажется обоснованным сохранение понятия договора „non-existens“ не только для употребления внутригосударственного права, но и распространение на область международного права.⁷

— • — • —

Недействительность договора во всех случаях имеет обратную силу с даты заключения договора (*ex tunc*). С этой точки зрения, нет разницы между ничтожным договором и договором, оспоренным договаривающейся стороной, имеющей на это право.

Недействительность вообще относится ко всеми договору в целом, если существует причина недействительности, принятая в международном праве. Это положение было в прошлом господствующим, но венское соглашение пробило брешь в этом правиле и в качестве исключения

в отдельных случаях указывает на частичную недействительность договора, когда причины недействительности относятся лишь к отдельным положениям договора.

Авторы соглашения, вероятно, поступали последовательно, когда в определенных случаях сделали возможным одностороннее частичное прекращение действия договора или его приостановление, и тем самым встроили возможность частичной недействительности в международное право. Самое главное условие частичной недействительности кроется, естественно, в возможности физической и юридической расчлененности положений, на основании которых следует объявить их недействительными. Полное определение расчлененности дает статья 44 соглашения.⁸

Частичную недействительность следует признать обязательно правильной, если положения договора расчленимы и если причины недействительности касаются только отдельных положений. Однако представляются спорными отдельные положения венского соглашения, которые регулируют осуществление частичной недействительности. Соглашение верно исходит из того, что если возникают условия расчлененности и причины недействительности связаны лишь с отдельными частями договора, то речь может идти только о недействительности этих частей. Но в то же время в случаях ничтожности, то есть в договорах, заключенных под воздействием принуждения или противоречащих императивным нормам, соглашение дает лишь возможность объявления договора недействительным в целом. Это положение вызвало живую дискуссию в Комиссии Международного права и с тех пор к нему возникли многочисленные претензии.⁹ В большинстве случаев критики подвергали сомнению это положение в интересах обеспечения осуществления договоров по возможности в большом объеме, по моему же мнению, соглашение правильно решает этот вопрос. Если принять во внимание, что в обоих случаях: заключенного по принуждению или противоречащем императивным нормам договора — речь идет о тяжком посягательстве на международный правопорядок, следует считать обоснованной ничтожность договора в целом и недопущение возможности ни для одной из сторон сохранить договор. Как уже было сказано в предыдущем, на ничтожность договора может ссылаться каждый, то есть не только потерпевшая сторона непосредственно, что даже принужденная к заключению договора сторона не может позднее одобрить его, то есть кажется весьма желательным, чтобы в таких случаях не возникала дискуссия об оставлении в силе отдельных частей договора.

Венское соглашение наряду с упомянутой полной или частичной недействительностью признает и третий случай, когда при наличии соответствующих условий частичной недействительности договора в целом или его частей зависит от настроения пострадавшей стороны. И это случай ошибки или обмана, что венским соглашением признается как повод для оспоримости. В этом положении проявляется некоторая противоречивость венского соглашения, что не ускользнуло от

многочисленных участников конференции в Вене. В обоих случаях речь идет о договоре, возникшем как результат действия, противоречащего одному из основных принципов международного права, обязанности по процессу о добросовестности, и это можно рассматривать как акт, ставящий под опасность международный правопорядок. Большинство участников конференции в Вене помимо принятия без изменения проекта Комиссии Международного права — о чем будет говориться позднее — признали грубое нарушение принципа добросовестности лишь поводом для оспоримости, но не ничтожности, но в то же время, имея в виду действия, подпадающие под особо тяжкое осуждение в международных отношениях, считали необходимым дать пострадавшей стороне право выбора между частичной и полной недействительностью. Возможно, что сиюминутным интересам пострадавшей стороны более приемлемо данное решение, но с принципиальной точки зрения было бы вернее квалифицировать оба случая, упомянутые в венском соглашении как причины для ничтожности, в этом случае санкцию полной недействительности следовало бы связать с данным договором.

* * *

Венское соглашение рассматривает в двух случаях правовые последствия ничтожности по отношению к заключенному договору, а именно, по отношению к договору, противоречащем императивным нормам международного права.

Как было указано ранее, в старом международном праве применение насилия в общем не вело к недействительности международного договора. Существовало лишь одно исключение в международном праве, когда насилие или угроза были направлены непосредственно на лицо, уполномоченное на заключение договора, а не на договаривающееся государство. История дипломатии знает несколько таких случаев, например, так называемый Бардоский договор, который был подписан в 1881 году тунисским беим под нажимом французских частей, окруживших резиденцию бея, а также под воздействием ультиматума, предъявленного ему, тем самым передав свою страну в протекторат Франции. Из более позднего времени хорошо известен пример договора о протекторате, к подписанию которого принудил гитлеровский фашизм 15 марта 1939 года президента Чехословакии Хаха, применив по отношению к нему насилие. Такие договоры, которые однако не могли быть рассматриваемы как частые, не воспринимались даже старым международным правом как действительные и их ничтожность закрепляется статьей 55 венского соглашения.

Международное право эпохи империализма, однако, признало действительными те международные договоры, к которым принудили отдельные державы более слабые стороны путем применения силы против самих государств. Это исходило из признания закономерности войны, но это положение уже не было существенным после заключения в 1928 году пакта Бриана-Келлога, еще в меньшей степени это

относится ко времени вступления в силу пункта 4 статьи 2 Устава ООН, который запрещает в международных отношениях угрозу силой или ее применение как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и любым другим образом, несовместимым с целями ООН.

Если в отношениях между государствами запрещены войны или угроза силы помимо войн, это значит, что и с целью принятия участия в заключении договора нельзя применять насилие по отношению к государству или угрожать государству силой, а если это будет иметь место, то заключенный таким образом договор недействителен *ipso facto*. В данном случае ничтожность была бы обоснована применением насилия или угрозы силы, противоречащими международному правопорядку. Это положение уже содержится и в проекте кодификации Комиссии Международного права, можно найти его и в статье 52 венского соглашения.

Если в этом вопросе и не проявляется значительное противоречие среди участников конференции в Вене, то далеко не было единодушия в вопросе, что следует понимать под насилием, влекущим за собой ничтожность договора. Дискуссия по поводу определения понятия насилия далеко не нова. Эта дискуссия продолжается со времен создания Устава и среди практиков, и среди теоретиков международного права, ибо пункт 4 статьи 2 Устава во время установления всеобщего запрета силы не определил это понятие. Стоит все-таки заметить, что понятие угрозы силы, упомянутое в пункте 4 статьи 2 Устава и статье 52 венского соглашения, должны покрывать друг друга, ибо именно упомянутый пункт Устава сделал возможным создание данных положений в венском соглашении, да и сама статья 52 венского соглашения вне сомнения указывает на Устав ООН.

Поскольку Устав в статье 2 не дает более точного определения понятия насилия, то из признанного принципа уважения государственного суверенитета, а также из основной цели, направленной на сохранение мира, зафиксированной в Уставе, следует, что любое проявление силы следует рассматривать как запрещенное, то есть не только угрозу оружием, но и экономическое и политическое насилие, как противоречащее запрету Устава, следовательно, международный договор, заключенный в результате применения силы, следует считать ничтожным. Логическая интерпретация Устава подтверждает этот смысл положения, ибо статья 51, которая содержит неотъемлемое право индивидуальной или коллективной самозащиты, право на самозащиту рассматривает лишь в случае вооруженного нападения, в то время как статья 2 определяет понятие силы в общем порядке, без всякого ограничения, то есть шире, чем статья 51¹⁰.

Проект Комиссии Международного права не содержит ясной точки зрения в этом вопросе, так как мнения членов комиссии разошлись в связи с определением понятия силы. Поэтому проект довольствуется простой ссылкой на Устав, поскольку считает недействительным такой договор, который был заключен с применением

угрозы силой или ее применением, что противоречит запрету, содержащемуся в Уставе. Такая формулировка открыла двери для интерпретации, которую мы считаем правильной, но в любом случае было бы желательным дать более точное определение понятия силы и полностью исключить возможность узкой интерпретации.

Конференция в Вене не сделала значительного шага вперед в этом вопросе. Наряду с этим появилась декларация, которая не стала частью соглашения и поэтому не располагает сама по себе обязательной силой, но все же выражает единую концепцию государств. Эта декларация в торжественной форме осуждает любую форму военного, политического, экономического давления, которое используется для того, чтобы принудить какое-либо государство к заключению международного договора. Если эта декларация и не высказывает открыто ничтожность договора, вынужденного применением любой формы силы, она все-таки служит дальнейшим доказательством в пользу высказанной ранее концепции.

Но если современное международное право признает, что применение силы по отношению к государству ведет к ничтожности международного договора, то оно признает и одно исключение из этого правила. А именно, в случае государства-агрессора, которое по отношению к другому государству применяет наигрубейшие формы силы, было бы необоснованным осуществлять по отношению к нему запрет применения силы. То государство, которое попирает основные нормы международного правопорядка, отвечает с полной ответственностью за свои действия и последствия этой ответственности по отношению к такому государству общность государств будет определять в основном в международном договоре. Действительности такого договора не мешает тот факт, что данный договор был применен в качестве санкции по отношению к государству-агрессору. Это исключение в обобщающей форме содержит статья 75 венского соглашения.

* * *

Новое развитие права международных договоров привело не только к признанию ничтожности договора, заключенного под воздействием силы, но и связало правовые последствия ничтожности с международным договором, противоречащим правовым нормам императивного характера. Это развитие было завершено венским соглашением, которое в статье 53 ясно говорит, что договор ничтожен, если в момент его заключения он противоречит императивным нормам общего международного права.

Это развитие имеет весьма большое значение, ибо еще совсем недавно само существование международных норм императивного характера подвергалось сомнению наукой права. Более того, и в настоящее время еще можно встретить среди известных специалистов по международному праву таких, которые придерживаются того взгляда, что государства в отношениях друг с другом могут исключить при-

менение любой нормы международного права с помощью обоюдного соглашения.¹¹ Глашатаи этого взгляда, однако, все больше остаются в одиночестве, и мы с уверенностью можем сказать, что подавляющее большинство специалистов международного правоповедения отмежевывается от этого взгляда, более того, решающее большинство государств неподвергают сомнению тот факт, что международная правовая система содержит правовые нормы, располагающие императивной силой для субъектов международного права.¹²

Если всеобщепризнанные нормы международного права образуют единую правовую систему, а этот факт вряд ли может быть подвергнут сомнению, то этой правовой системе следует покоиться на таких основополагающих столпах, осуществление которых представляют интерес для всей международной общественности, поэтому правовая система должна содержать и такую норму, которая предписывает ничтожность соглашения, противоречащего данным нормам. Были бы задеты права и интересы всех государств-членов общности, если бы два или несколько государств в отношении друг с другом исключили бы осуществление норм фундаментального значения через обоюдное соглашение. Естественно, что в данном случае мы думаем не о какой-то „Grundnorm“, при помощи которой, по мнению Кельзена, каждая отдельная норма международного права получает свою силу, а о таких нормах, общее осуществление которых создает предпосылку для создания упорядоченных отношений между государствами. Не было бы простой задачей — хотя и не такой уж непреодолимой — дать исчерпывающее перечисление норм императивного характера, что не умаляет значения того тезиса, который определяет ничтожность международного договора, противоречащего императивным нормам. Однако вне сомнения, что императивный характер отдельных норм, которые упоминает и комментарий к проекту Комиссии Международного права от 1966 года¹³, он доступен таким образом, что такой международный договор, в котором, отбросив основной принцип международного права, запрещающий угрозу силой, отдельные государства придут к соглашению о применении силы, то такой договор следует рассматривать как ничтожный. Очевидно, что на это похож пример соглашения двух или нескольких государств об исключении из действия международных норм, содержащих запрет на торговлю рабами, пиратство или геноцид. Такие договоры противоречили бы основным принципам современной международной правовой системы и затрагивали бы интересы всех стран, действительность таких договоров не была бы признана новым международным правом. Именно поэтому мы должны быть согласны с положением статьи 53 венского соглашения, хотя у нас есть некоторые замечания по поводу формулировки.¹⁴

Из ничтожности международных договоров, противоречащих международным нормам императивного характера, неизбежно вытекает недействительность неравных договоров. Важное место среди основных принципов международного права, снабженных императивным характером, занимает принцип суверенного равенства госу-

дарств, который обязательно должен быть осуществлен во всех областях международных отношений. Таким образом, если международный договор содержит для одной стороны выгоды, а для другой — невыгоды или же наблюдается явная диспропорция между последствиями, вытекающими из договора, для обеих сторон, то нарушается равное положение сторон в договорном правовом отношении, и возникает такое положение, которое противоречит упомянутому принципу императивного характера в международном праве. На основании этого мы должны прийти к выводу, а именно, что заключенный при таких условиях договор ничтожен, как обычно договор, противоречащий императивным нормам.¹⁵

Естественно, что такое положение могло создаться лишь после образования нового международного права нашей эпохи, ибо империалистическое международное право давало возможность осуществления произвола со стороны более сильных держав, таким образом не могло идти речи о том, что какое-то государство подвергает сомнению действительность международного договора, служащего достижению этой цели. Но невозможно было бы представить себе, что если признавали за действительный договор, навязанный силой государству, который лишь за малым исключением одновременно был и неравным, то международное право признало бы недействительным неравный договор, заключенный без применения открытой силы. До тех пор, пока международное право признавало законной колониальную и полуколониальную эксплуатацию народов и наций, не могло идти речи об определении недействительным международного договора, создающего односторонние экономические выгоды и прочие привилегии для отдельных империалистических держав. Верный путь развития указал Декрет о мире 1917 года и последующие за ним мероприятия советского правительства, когда лишили законной силы международные договоры, обеспечивающие для царской России односторонние выгоды и привилегии.

Вне сомнения, что в ходе постановки обсуждаемого тезиса международного права могут появиться трудности определения понятия неравного договора. Нереально требовать полное равенство выгод, содержащихся для сторон в договоре, но не примемлемо и то, когда недействительность договора может быть определена только в случае договора, заключенного по принуждению одной из сторон. Более того, по нашему мнению — что последовательно проводится и венским соглашением — в качестве неравного договора можно рассматривать такой договор, в котором наблюдается значительная диспропорция между правами сторон и исходящих из них обязательств, то есть где неравенство проявляется в положениях, содержащихся в договоре. И напротив, неравенство, проявляющееся в обстоятельствах заключения договора, представляет собой отдельный случай недействительности договора, ничтожность международного договора, заключенного с применением силы или угрозы силой.

Что касается недействительности, связанной с неравной сутью договора, здесь, по нашему мнению, можно говорить лишь о последствиях ничтожности. Суверенное равенство государств — один из основных императивных принципов международного права, именно поэтому в соответствии с статьей 53 венского соглашения следует непременно подключить санкцию ничтожности в случае неравного договора. Но я не считаю приемлемым решение, предложенное одним из английских авторов, который предлагает считать ничтожным такой международный договор, в котором одно из государств полностью отказывается от суверенитета, что практически означает, что на недействительность договора можно ссылаться лишь в случае прекращения существования государства.¹⁵ Этот же автор во всех других случаях признает право пострадавшего государства лишь на оспорение договора, ссылаясь на то, что ничтожность „следует сохранить для крайних случаев неравенства.”

* * *

Гражданское право в основном признает ничтожность договора, направленного на невозможные услуги.¹⁶ Эту норму, хорошо известную уже в римском праве, мы напрасно искали бы в такой форме в венском соглашении 1969 года, в статье 61 которого говорится лишь о прекращении действия договора в связи с невозможностью исполнения, возникшей позже. Но если мы проведем границу между правовой и физической невозможностью услуги, то только что упомянутое недоставание уменьшится в большей мере, ибо мы не можем подразумевать ничто иное как противопоставленность международного договора, противоречащего императивным нормам международного права, что, как было упомянуто ранее, верно регулирует венское соглашение. Что действительно не регулирует венское соглашение, так это договор, направленный на физически невозможную услугу, что вряд ли можно ставить в упрек, ибо в международной практике не встречаются такие договоры, но если и возможен такой случай, то — исключив отдельные особые ситуации — можно применить положения, относящиеся к ошибке. Таким образом, проблема не представляется практически значимой в международных отношениях.¹⁷ Поскольку все-таки может иметь место такой договор, по отношению к которому была с самого начала оперелена физическая невозможность услуги и применение положений, относящихся к ошибке, не привело бы к решению вопроса, то проблема могла бы быть поставлена следующим образом: о чем может идти речь в таком случае; о ничтожности или оспоримости. Кажется логическим установить ничтожность договора в случае невозможности, возникшей в связи с услугой *ab initio*, ссылаясь при этом на то, что исполнение такого договора по физическим причинам невозможно и наступление недействительности не следует ставить в зависимость от оспорения одной или другой стороны. В то же время следует принять во внимание отправной пункт, согласно которому международное право применяет санкцию

ничтожности по отношению к международному договору в том случае, когда обстоятельства заключения договора или его содержание затрагивают интересы международной общественности в целом, такое нарушение, однако, мы вообще не наблюдаем в случае договора, направленного на физически невозможную услугу. Наряду с этим в упомянутых случаях приближение к случаям ошибки обосновывает то, что оба случая мы подвергаем одинаковому разбору. Это высказывание обосновывается причислением международного договора, направленного на невозможную услугу, к группе оспоримых договоров.¹⁸

Как правило международный договор, который не совместим с каким-либо ранее созданным соглашением, не относится к категории ни юридически, ни физически невозможных договоров, поэтому недействительность такого договора не может быть установлена. Если речь идет о несовместимом договоре, заключенном теми же сторонами, то само собой разумеется, что применяется принцип *lex posterior derogat priori*, в этом, однако, мы не можем согласиться с Кельзеном, поскольку первый договор заключен на „вечные времена“, поэтому новый договор, противоречащий первому, должен рассматриваться как ничтожный или оспоримый.¹⁹ По нашему мнению, такой „вечный“ договор не может рассматриваться, словно все участники в таком договоре с самого начала связали себе руки в том смысле, что с помощью нового договора не смогли бы поставить вне действия даже молчаливо. Стороны с помощью обязательной силы не могут отказаться от права на изменения международного договора, совершенного с общего согласия, такой отказ не может служить препятствием для заключения нового договора.

Еще в меньшей степени может быть поставлен вопрос недействительности договора в том случае, если один из участников договора, заключенного между государствами А и Б, например, Б заключит такой договор с третьим государством, скажем, В, который несовместим с договором государств А и Б. Здесь мы уже принимаем точку зрения Кельзена, согласно которой оба договора в таком случае действительны, но поскольку из этих двух договоров только один может быть осуществлен, международная ответственность государства Б будет относиться к тому государству, по отношению к которому оно не выполнит своих обязательств по договору. Именно поэтому правильна точка зрения венского соглашения, когда вопрос о встречных договорах рассматривается не в главе о недействительности, и само собой разумеется, не включает последствия недействительности в отношении одного из договоров.

* * *

После поверхностного исследования причин недействительности обратим свое внимание на те обстоятельства, при наличии которых одна из договаривающихся сторон имеет возможность оспорить договор. В данном случае акт оспаривания — обязательное условие недей-

ствительности договора, как результат оспаривания международного договора наступает недействительность *ex tunc*.

Причины недействительности, дающие повод для оспаривания в основном связаны с безволием; кроме этого сюда относится и тот случай, когда заключение договора нарушает положения внутреннего права данного государства. В связи с этим ограничимся ниже некоторыми замечаниями общего характера, ибо, имея в виду рамки, находящиеся в нашем распоряжении, мы не можем углубиться в частности этого вопроса.

Что касается случая безволия, то здесь международное право возвращается к истокам гражданского права и в соответствии с ним регулирует возникающие вопросы. Международное право применяет санкцию недействительности в самом отягчающем случае безволия, по отношению к договору, заключенному в результате применения силы и угрозы силой, но ошибка или обман ведут к оспоримости договора.

В случае существенной и вменяемой ошибки международное правоведение придерживается иного мнения, равно как и дипломатическая практика, что в таком случае нужно применять санкцию оспаривания. Далеко не созвучны мнения в отношении обмана. Вне сомнения, что случаи обмана весьма редки в международной практике, где речь идет о договоре между государствами и где представители государств, к счастью, редко опускаются до этой крайности, чтобы обманом принудить другую сторону к заключению договора. Однако следует добавить, — на что верно указывает один из французских авторов — что и в том случае, когда имеет место обман, потерпевшее государство с трудом решается ссылаться на обман в целях недействительности договора и довольствуется ссылкой на ошибку. Причину этого следует искать в том, что на международные отношения сильно влияет то, если государство обвиняют в обмане и это обвинение больше ожесточает спор между государствами, с другой стороны представители потерпевшего государства, подписавшие договор, попадают в неприятное положение, признав, что не заметили обмана другой стороны.²⁰ Но если ссылка на обман и весьма редка, все-таки это явление несколько раз встречается в международной практике, поэтому мы не считаем излишним регулирование венским соглашением последствий, вытекающих из обмана.

Предметом дискуссии на конференции в Вене стал вопрос о том, как следует рассматривать договор, заключенный с помощью обмана, как ничтожный или оспоримый. Проект Комиссии международного права построен на принципе оспаривания договора, однако часть делегаций, принимавших участие в конференции в Вене, среди них и венгерская делегация, признала необыкновенно тяжким поведение обманывающей стороны и хотела распространить ничтожность как юридическое последствие на договор, заключенный с применением обмана. Делегат ВНР, выступивший на первой сессии конференции, квалифицировал обман как противоправное действие такого же

характера, как применение силы и в связи с этим требовал применение тех же санкций.²¹ Делегации Конго (Браззавиль) и Венесуэлы вынесли подобную поправку что, однако, не было принято конференцией.²²

В этом же плане следует рассматривать и подкуп, совершаемый договаривающимися лицами одной стороны по отношению к другой договаривающейся стороне, что также имеет результатом искажение государственной воли и может быть рассмотрен как один из случаев безволия. Авторы венского соглашения последовательно остаются верны себе, когда оспаривание договора связывают с подкупом; кто однако утверждает ничтожность договора, заключенного при наличии обмана, тому следует занять эту же позицию и в связи со случаем подкупа.

В конце необходимо немного сказать о специфической причине оспаривания, фигурирующей в венском соглашении, которая в широком смысле также может быть причислена к случаям безволия. Статья 46 соглашения предписывает юридические последствия оспаривания по отношению к международному договору в определенном случае, когда договор заключается при нарушении положений внутреннего права государства, регулирующих правопорядок заключения договора.

Проблема международного договора, заключенного при нарушении внутреннего права, уже издавна разделила на два лагеря специалистов международного права. Один из лагерей, который исходит из принципа воли, считает договор, заключенный при нарушении положений внутреннего права, недействительным, поскольку настоящая воля государства выражается в некоторых случаях согласно процедурам, предписываемым внутренним правом, а именно, в конституции государства. Само собой разумеется, международное право не может регулировать вопрос, что может быть предписываемым путем создания воли государства, так как здесь идет речь о вопросе, относящемся исключительно к внутренней компетенции государства, а поскольку нарушены предписания внутреннего права, то мы имеем дело с безвольным договором. Другой лагерь специалистов по международному праву исходит из принципа декларации и в поддержку этого ссылается на точку зрения безопасности международного общения.

Можно привести примеры для обеих точек зрения из дипломатической и международной судебной практики, но по нашему мнению, большинство имеют те случаи, когда квалифицируются как недействительные договоры, заключенные при нарушении существенных положений в компетенции внутреннего права.²³ Большая часть выдающихся представителей международного правоправедения, по существу, придерживается этой точки зрения. Сторонниками ее являются Оппенгейм²⁴, Руссо,²⁵ среди советских ученых Шуршалов²⁶ и Тункин²⁷.

Проекты Комиссии международного права в прошлом исходили из этой точки зрения²⁸, последний проект, а вслед за ним и соглашение, частично отличается от этой точки зрения, и нацеливаясь на ссвязь между этими двумя представлениями, рассматривает как действительный

договор, заключенный при нарушении важных внутренних положений, относящихся к заключению договора, если это нарушение не было явным. Эта точка зрения ставит своей целью упрощение процесса заключения договора и обеспечение безопасности международного общения. Этой точке зрения можно противопоставить множество теоретических и практических замечаний. Это положение уже и от того не могло бы достичь поставленной цели, так как очевидность антиконституционного характера договора весьма проблематично и привело бы к серьезным спорам. По моему мнению, было бы правильным урегулировать данный вопрос, принимая во внимание своеобразный характер международных отношений и то обстоятельство, что в межгосударственных связях без особого труда можно ознакомиться с такими конституционными нормами, относящимися к правопорядку заключения договора таким образом, чтобы получила признание оспоримость договора, заключенного при нарушении данных *существенных* норм внутреннего права. Это было бы более созвучно той точке зрения, согласно которой речь идет о вопросе, регулируемом внутренним правом, с другой стороны это исключило бы возможность недействительности договора в случае нарушения несущественных норм. Однако не вызывает сомнения, что со вступлением в силу венского соглашения, а для участников соглашения в связи с упомянутым вопросом, его статья 46 будет направляющей и, вероятно, будет влиять на международную практику и помимо договаривающихся сторон.

Вышесказанное, естественно, не может быть отнесено к тому случаю, когда лицо, уполномоченное на заключение договора, переступит границы своей компетенции. В таком случае действительность договора только тогда может быть подвергнута сомнению, если по статье 47 венского соглашения — упомянутые ограничения будут доведены до сведения остальных договаривающихся сторон в уполномочивающем документе или в другом виде. В данном случае легко прослеживается безволие, которое влечет за собой оспоримость международного договора.

* * *

И наконец, следует сделать несколько замечаний по поводу процедуры, необходимой для осуществления недействительности международного договора.

Прежде всего следует установить, что согласно нормам общего международного права определенная предварительная процедура не может быть затребована для того, чтобы возникли последствия недействительности международного договора. Современные нормы международного права обязывают государства регулировать международные споры мирным путем. То есть, если между государствами возник спор по поводу действительности или недействительности международного договора, то этот спор должен быть разрешен такими же средствами, как любой другой спорный международный вопрос. Из-за настоящего положения международного права никоим образом не может идти

речь, например, о том, что в связи со спорами, возникшими по поводу действительности международного договора, наблюдалось бы какое-либо обязательное международное судопроизводство.

Наряду с этим венское соглашение выставляет некоторые особенные положения в связи с сомнением в действительности международного договора. Статья 65 соглашения прежде всего предполагает определенное время выжидания для вынесения последствий недействительности, а именно, трехмесячный срок, считая со дня обращения заинтересованной стороны к остальным договаривающимся сторонам; после истечения этого срока, допуская, что против заявления не было выступлений, сторона, требующая недействительности получает свободные руки для дальнейшего действия. В случае опротестования какой-либо из договаривающихся сторон спор необходимо решить мирным путем, используя для этой цели какое-либо из средств, представленных в распоряжение международным правом, выбор средств зависит от договоренности сторон. В том случае, если этот процесс в течении 12 месяцев не приведет к разрешению вопроса, то статья 66 соглашения предписывает специальный примирительный процесс, достигнутое соглашение которого однако не имеет обязательной силы, но не может быть оставлено вне внимания то, что общественное мнение может влиять на договаривающиеся стороны в принятии предложения со стороны соглашательной комиссии. Однако, венское соглашение предписывает обязательное обращение к Международному суду для решения спора, связанного с недействительностью международного договора, противоречащего императивным правовым нормам.

Эти положения ни в коей мере нельзя рассматривать как часть международных правовых норм, имеющих силу сегодня, то есть в настоящее время являются направляющими вышерассмотренные общие принципы международного права в связи с разрешением споров, связанных с недействительностью международных договоров. Более того, уже сегодня становится ясным, что по отношению к статье 66 соглашения 1969 года о праве международных договоров, вызвавшей на конференции в Вене большие споры, появятся многочисленные оговорки со стороны государств, желающих присоединиться к соглашению, то есть эта статья не будет осуществляться для значительной части стран-участниц соглашения и лишь общие принципы международного права станут направляющими. Мы встречаемся с такими оговорками уже и до конца 1972 года среди присоединившихся стран, например со стороны Сирии и Туниса. Сирия внесла оговорку в положение об обязательном соглашательстве, Тунис — в положения об обязательной юрисдикции Международного суда, созданного для решения споров, возникающих в связи с международными договорами, противоречащими нормам императивного характера.²⁹ Против сирийской оговорки выступили некоторые государства, одни из них не считают себя в договорном отношении с Сирией по положениям, затронутым в оговорке, другие же — по договору в целом. Но мы уже не

можем принять положения протеста, внесенного Соединенными Штатами, согласно которого сирийская оговорка „несовместима с предметом и целью соглашения“, ведь, собственно говоря, предметом и целью соглашения является кодификация материальных правовых норм, относящихся к международным договорам; однако, что касается урегулирования международных споров, то в международном праве возникли такие нормы общей силы, которые могут быть без притеснений применены к договорному праву. Обоснованность нашей точки зрения, пожалуй, лучше всего показывает, что сама Комиссия международного права не посчитала необходимым включение в соглашение норм, имеющих место в статье 66, так как в проекте соглашения эти нормы и не фигурировали и лишь после длительной дискуссии на конференции в Вене они были включены в соглашение.

Как последний вывод мы можем установить, что в связи с решением споров, связанных с недействительностью договора, положения, имеющие место в статье 66 венского соглашения и в его Приложении, в настоящее время не имеют силы, так как они не означают кодификацию существующих норм обычного права и в будущем не станут обязательными по отношению к государствам, оговорившим их. И в будущем такие государства должны будут лишь придерживаться обязательств, возникающих в связи со спорами о действительности международного договора, как это вообще принято по отношению к международному спору, то есть обязательство мирного разрешения спора с применением средств, избранных с обоюдного согласия спорящих сторон.

* * *

В вышеизложенном мы хотели лишь обратить внимание на некоторые вопросы, кажущиеся спорными, не ставя перед собой задачу, рассмотреть правовой материал в целом. Вне сомнения можно определить, что несмотря на недостатки отдельных положений венского соглашения последнее означает существенный шаг впереди в этом сложном правовом материале, в котором мы мало встречаем норм, созданных в прошлом, оно действительно послужит делу прогрессивного развития международного договорного права, этой важной области международного права.

СНОСКИ

¹ Следует заметить, что в этом случае вызывает споры в специальной литературе то, что действительно ли нормы международного права квалифицировали договор не только как оспоримый. Так Мак-Нейр, подчеркивая, что свое мнение он не может подтвердить определенной точкой зрения из другого источника, высказал предположение, что поскольку договор, заключенный при применении силы по отношению к договаривающемуся лицу, нуждается в ратификации, а ратификация происходит от имени государства по доброй воле при знании обстоятельств, то этим государство лишает силы воздействие насилием. (The Law of Treaties. Oxford, 1961, pp. 207—208). В сущности это означает то, что в таком случае мы имеем дело с оспоримостью.

² Annuaire de la Commission du droit international 1966, vol. I., deuxième partie, p. 15.

³ Правда, данная статья венского соглашения не говорит определенно об истечении времени как обстоятельстве, исключающем оспоримость, но это в силу необходимости было включено в пункт „б“ этой же статьи, согласно которому оспоримость договора прекращается, если из поведения данного государства обоснованно вытекает, что оно примирилось с действительностью данного договора.

⁴ В доказательство последнего см. P. Cahier: Les caractéristiques de la nullité en droit international et tout particulièrement dans la Convention de Vienne de 1969 sur le droit des traités. Revue générale de droit international public, 1972. 3. pp. 657, 689.

⁵ Yearbook of the International Law Commission 1963, vol. II. p. 46.

⁶ Report of the International Law Commission on its eighteenth session, p. 27. Впрочем существенная разница между ничтожным и non-existens договором в отношении последствий недействительности, поскольку при наличии договора non-existens положения, содержащиеся в пункте 2 „б“ статьи 69 венского соглашения, вряд ли могут быть применены. Из-за недостаточности места в данной статье мы не занимаемся последствиями недействительности договора и детальное описание выпускаем.

⁷ В специальной литературе по международному праву отнюдь не отсутствуют точки зрения относительно применения понятия non-existens договора в области международного права. Стоит упомянуть наряду с другими взгляды П. Гуттенхайма (Traité de Droit international public, tome I, Genève, 1953, pp. 88 – 89.)

⁸ Вопрос расценимости положений договора выходит за рамки недействительности, поскольку это понятие имеет значение при денонсации договора, равно как при приостановлении действия договора. В настоящей работе мы избегаем более широкое обсуждение этого вопроса и отсылаем к содержанию статьи 44 венского соглашения.

⁹ См. цит. работу П. Кайе, стр. 689.

¹⁰ Это толкование созвучно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 216 (XXI), которая гласит, что вооруженное нападение на другую страну или в любой другой форме применение силы противоречит принципам международного права и ведет за собой международную правовую ответственность данного государства.

¹¹ См., например, Schwarzenberger: International jus cogens? Texas Law Review, 1965, pp. 223.

¹² Участники конференции в Вене приняли статью 53 соглашения 87 голосами против 8 голосов при 12 воздержавшихся. Следует однако добавить, что и проголосовавшие против, и воздержавшиеся не оспаривали существование императивных норм международного права, а скорее хотели показать свое отрицательное отношение к формулировке положений соглашения. (см. United Nations Conference on the Law of Treaties, Second session, Official Records, pp. 93 – 100, 102 – 107.) Это более ясно видно из материала первой сессии Комиссии (там же: First session, Official Records, pp. 293., 330., 471.).

¹³ Report of the International Law Commission on its eighteenth session, p. 77.

¹⁴ Здесь мы имеем в виду второе предложение статьи 53, которое дает определение императивной нормы международного права и, на наш взгляд, лишне включает в определение как элемент ту часть, согласно которой императивная норма может быть изменена только более поздней по времени нормой международного права того же характера (подчеркнуто мною – Дб. Х.). Мы считаем это замечание необоснованным и в практике неприменимым ограничением правотворческой власти „международной общности государств“. (см. S. Riesenfeld: *Ius dispositivum* and *Ius cogens* in International Law: In the Light of Recent Decisions of the German Supreme Constitutional Court. The American Journal of International Law, 1966, pp. 514 – 555.)

¹⁵ I. Dettner: The Problems of Unequal Treaties. International and Comparative Law Quarterly, 1966, p. 1086 sq.

¹⁶ См., например, § 226 венгерского Гражданского кодекса.

¹⁷ В противовес этому венское соглашение в статье 61 среди причин прекращения действия договора упоминает и о невозможности исполнения, последовав-

шей после заключения договора, которая очень редка как случай, но практика все же знает несколько случаев физической невозможности выполнения услуги, последовавшей позднее.

¹⁸ Доказательством в пользу оспоримости можно считать и тот факт, что статья 61 венского соглашения в случае невозможности международного договора, последовавшей позднее, не определяет автоматическое прекращение действия договора, а лишь допускает, чтобы договаривающаяся сторона потребовала бы объявить такой договор вне силы, из чего мы можем сделать вывод, что с невозможностью услуги, возникшей с самого начала, можно связать последствия оспоримости. Это доказательство я опускаю из виду, потому что, по моему мнению, упомянутое положение статьи 61 венского соглашения не может считаться обоснованным. (см. об этом шире: G. Haraszti: Some Fundamental Problems of the Law of Treaties. Budapest, 1973, pp. 421 sq.)

¹⁹ H. Kelsen: Principles of International Law, New York, 1952, p. 362.

²⁰ A. Orsion: Le dol dans la conclusion des traités; Revue générale de droit international public, 1971, p. 620 sq.

²¹ United Nations Conference on the Law of Treaties. First session, Official Records, p. 260.

²² United Nations Conference on the Law of Treaties, Official records, Documents of the Conference, p. 169.

²³ Отдельные конкретные примеры см. G. Haraszti: Some Fundamental Problems of the Law of Treaties, Budapest, 1973, p. 252.

²⁴ L. Oppenheim — H. Lauterpracht: International Law. Vol. I. 8th ed. London, 1955, pp. 887.

²⁵ Ch. Rousseau: Droit international public. Paris, 1953, p. 33.

²⁶ В. М. Шуршалов: „Основания действительности международных договоров, Москва, 1957 г., стр. 224.

²⁷ Г. И. Тункин: Право договоров на XV сессии Комиссии международного права, „Советское государство и право“, № 1964/2, стр. 85.

²⁸ Yearbook of the International Law Commission, 1951. Vol. II, p. 73.

²⁹ U. N. Doc. ST/LEG/SER. D/5, pp. 401 sq.

Einige Bemerkungen über die Ungültigkeit völkerrechtlicher Verträge

Prof. Dr. GYÖRGY HARASZTI

Die Völkerrechtswissenschaft befasste sich früher kaum mit der Ungültigkeit der völkerrechtlichen Verträge, da diese Frage sozusagen keine praktische Bedeutung besass. Diese Lage änderte sich erst dadurch, dass mit dem Erscheinen des Gewaltverbots in den internationalen Beziehungen und mit der Herausbildung eines demokratischen Völkerrechtssystems die Nichtigkeit gewisser Verträge anerkannt werden musste. Es handelt sich hier um völkerrechtliche Verträge, die durch Androhung oder Anwendung von Gewalt zustande gekommen sind, oder im Widerspruch zu einer zwingenden Norm des geltenden Völkerrechts stehen. Diese Entwicklung erforderte die Unterscheidung von zwei Arten der Ungültigkeit, und zwar der Nichtigkeit und der Anfechtbarkeit. Im weiteren befasst sich der Aufsatz mit der teilweisen Ungültigkeit, behandelt dann die einzelnen Ursachen der Ungültigkeit, die in der Wiener Konvention angeführt sind, und stellt fest, dass die Ungültigkeit ungleicher Verträge aus dem Rechtssatz folgt, wonach der im Widerspruch zu einer zwingenden Norm des Völkerrechts stehende Vertrag für nichtig erklärt wird. Zum Abschluss untersucht der Verfasser das Verfahren, das im Falle der Nichtanerkennung der Ungültigkeit eines völkerrechtlichen Vertrages durch eine der vertragschliessenden Parteien angewendet werden sollte.

QUELQUES RÉFLEXIONS SUR LA NULLITÉ DES TRAITÉS

Prof. Dr. GYÖRGY HARASZTI

La science du droit international ne s'intéressait guère dans le passé pour le problème de la nullité des traités, puisque elle ne lui attribuait aucune importance pratique. Cette situation a complètement changé avec l'introduction dans les relations internationales du principe de la défense de l'emploi de la force et l'apparition d'un système du droit international basé sur des principes démocratiques. Ce changement a exigé la reconnaissance de la nullité absolue du traité conclu sous la contrainte exercée par la menace ou l'emploi de la force, ainsi que du traité en conflit avec une norme impérative du droit international général. Dans ces circonstances il est devenu nécessaire de faire la distinction entre la nullité absolue et la nullité relative du traité. L'article s'occupe ensuite de la nullité partielle du traité, puis examine les différentes causes de la nullité énumérées dans la Convention de Vienne et arrive à la conclusion que la règle selon laquelle est nul tout traité en conflit avec une norme impérative du droit international général doit avoir pour conséquence la nullité des traités inégaux. L'auteur examine enfin la procédure à suivre en cas de nullité d'un traité.